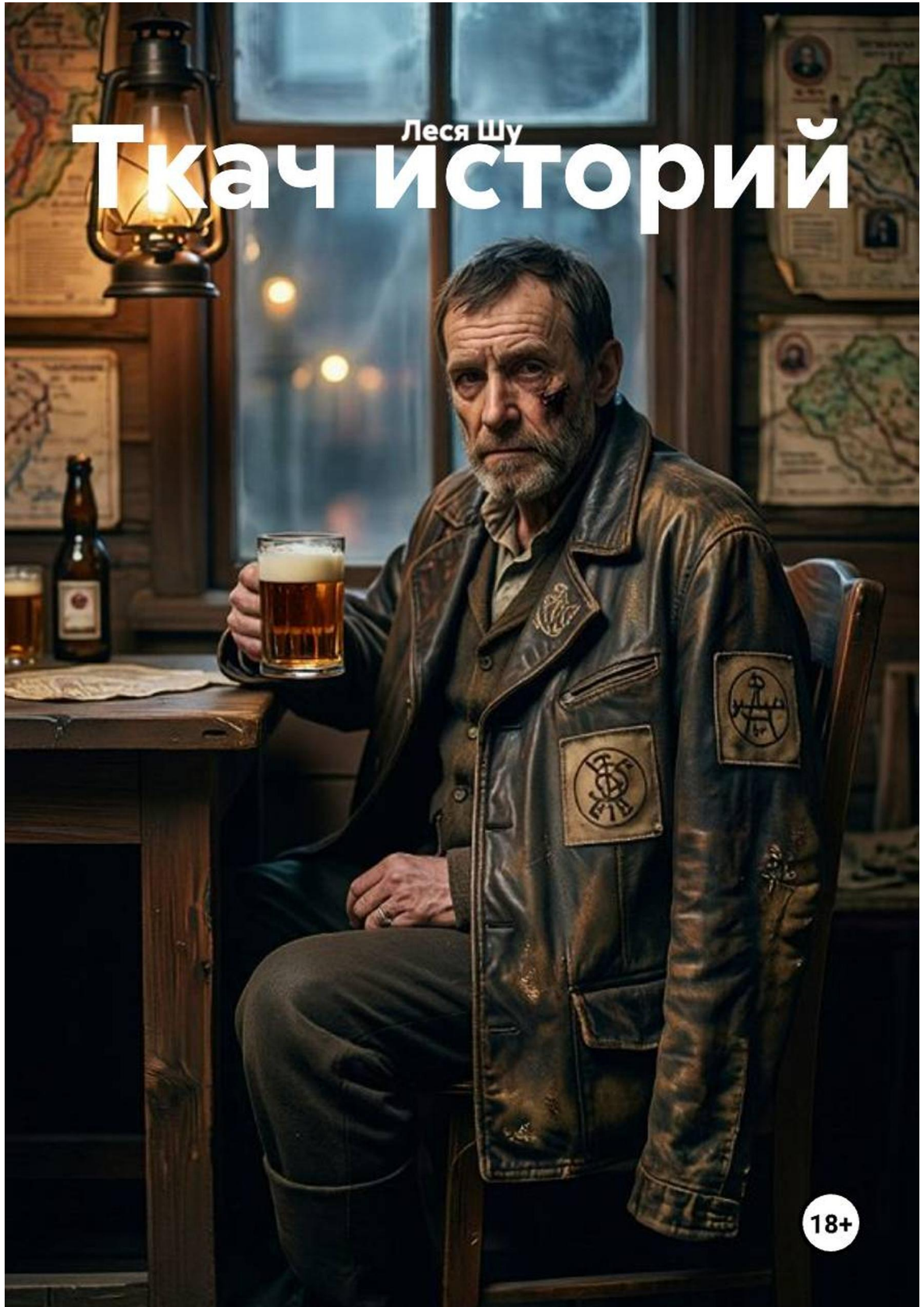

Леся Шу

Ткач историй

18+

Леся Шу

Ткач историй

«Автор»

2026

Шу Л.

Ткач историй / Л. Шу — «Автор», 2026

Он не герой. Он ремесленник. Он чинит порванные истории — истребляет искажения, рождённые людскими страхами, ложью и горем. Платят мало. Работа грязная. Но другой у него нет. Двадцать лет назад Элиан был лучшим из Ткачей. А потом убил свою жену, стёр себе память и стал тем, кто пьёт дешёвое пиво в корчме на краю мира. Всё меняется в одну дождливую ночь. На пороге — мёртвая девушка с нитями вместо глаз и монетой Гильдии, которой не существует. В её руке — ключ к прошлому, которое Элиан так старательно забывал. Теперь ему придётся спуститься туда, где гниют забытые истории. Туда, где живёт его дочь — та, которую он бросил. Туда, где ждёт наставник, который всегда лгал. Туда, где умирает Первоисточник — книга, создавшая всё. Мир держится на одной истории. И её придётся рассказать заново. Цена — жизнь. Вопрос только: чья? Тёмное фэнтези о памяти, вине и любви, которая сильнее забвения.

© Шу Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ГЛАВА 1. ДОЖДЬ И ПИВО	6
ГЛАВА 2. ЗАКАЗ	9
ГЛАВА 3. МИРА	12
ГЛАВА 4. СЛЕД	14
ГЛАВА 5. КОРЧМАРЬ-ФИЛОСОФ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Леся Шу Ткач историй

Глава

ГЛАВА 1. ДОЖДЬ И ПИВО

Дождь шёл третий день.

Не тот дождь, что бывает летом — тёплый, скорый, после которого пахнет землёй и детством. Нет. Этот дождь был из тех, что приходят осенью и остаются до весны, как незванный гость, которому постелили, а он решил, что теперь тут живёт. Он лил ровно, нудно, без ярости. Просто брал и лил. Как будто у неба было время.

Аркадия тонула.

Верхние ярусы — те, где жили люди с деньгами и чистые улицы, — ещё держались. Там вода уходила в трубы, трубы — в стоки, стоки — вниз, к тем, кому не повезло. А внизу вода не уходила никуда. Она стояла. В ней плавали дохлые крысы, обрывки афиш, чьи-то сны. В Нижних Ярусах говорили, что если долго смотреть в лужу, можно увидеть себя настоящего. Элиан не проверял. Он и так знал, кем был.

Он сидел в корчме «Три Пера» — заведении, которое держалось на честном слове, дешёвом пиве и упрямстве хозяина. Корчма стояла на самой границе между ярусами: одной стеной — на твёрдом, другой — над пропастью. Как и большинство в этом городе, она балансировала на грани и делала вид, что так и надо.

Элиан пил.

Пиво было кислое. Не то чтобы плохое — просто честное. Такое пиво не притворяется вином. Оно говорит тебе прямо: я — пойло для тех, у кого нет денег на лучшее, и я этим горжусь. Элиан уважал честность. В пиве. В людях — реже.

Он сидел в углу, спиной к стене, лицом к двери. Привычка. Не паранойя — ремесло. Когда ты зарабатываешь тем, что чинишь порванные истории, ты быстро учишься: неприятности приходят через дверь. И почти всегда — с улыбкой.

Перед ним на столе лежала игла.

Длинная, тонкая, с ушком, в которое можно продеть не нить, а чужую жизнь. Игла была старая. Металл потемнел, рукоять стёрлась там, где её держали пальцы. Много пальцев. Долго. Элиан не помнил, откуда она у него. Как и многое другое. Память — как решето: что-то держится, что-то уходит. Он давно перестал пытаться удержать.

За соседним столом сидел мужик.

Мужик был большой — не толстый, а именно большой, как шкаф, который решил стать человеком. Борода, руки как лопаты, глаза как у собаки, которую слишком часто били. Он пил водку. Не пиво — водку. Уже третью. И рассказывал.

— ...и вот, значит, — говорил он, глядя не на Элиана, а куда-то в стену, — иду я через лес. Ночью. А лес — он же не спит. Он смотрит. Ты идёшь, а он смотрит. И вот слышу — плачет кто-то. Тонко так. Как ребёнок. Я туда. А там...

Он замолчал. Отхлебнул. Вытер рот рукавом.

— Там баба сидит. На пне. Волосы распущены, белые, до земли. И плачет. А рядом — куклы. Много. Из веток, из тряпок, из чего придётся. И все — как живые. Головы повёрнуты. Глаза есть. Рты есть. Я смотрю — и понимаю: это не куклы. Это люди. Маленькие. Сморщенные. Но люди.

Элиан не поднял глаз. Он смотрел на иглу.

— А баба поднимает голову, — продолжал мужик, и голос его стал тише, — и говорит: «Хочешь, я и тебя сплету? Будешь хороший. Послушный. Не будешь пить». И улыбается. А у неё во рту — нитки. Вместо зубов. Нитки.

Он замолчал окончательно. Допил. Поставил стакан. Руки у него тряслись.

— Ткачиха, — сказал он. — Вот как её зовут. Ткачиха. Она завелась в лесу за Гнилыми Бродами. Мужики ходили — не вернулись. Бабы ходили — не вернулись. Я один вернулся. И то — не помню как.

Элиан поднял голову.

— И что ты хочешь? — спросил он. Голос у него был ровный. Как у человека, который давно ничему не удивляется.

Мужик посмотрел на него. Долго. Как будто решал — стоит ли говорить дальше.

— Ничего, — сказал он наконец. — Я просто... Я не могу молчать. Понимаешь? Она там. Она ждёт. И если никто не пойдёт — она придёт сюда. В город. И тогда...

Он не закончил. Не надо было.

Элиан вздохнул. Взял иглу. Убрал в рукав — в специальный карман, пришитый изнутри. Привычным движением, которое не требует мысли.

— Ещё пива? — спросил корчмарь. Он стоял за стойкой — тощий, лысый, с лицом человека, который видел всё и не удивился бы даже концу света. — Или уже на выход?

— На выход, — сказал Элиан.

Он встал. Бросил на стол монету. Не глядя — сколько. Он никогда не считал. Деньги — не то, ради чего стоит напрягаться.

— Эй, — окликнул его мужик. — Ты... ты идёшь туда? К ней?

Элиан не ответил. Он уже надевал плащ — тяжёлый, промасленный, не пропускающий воду. Такой плащ — единственное, что стоит иметь в этом городе. Плащ и игла.

— Она убьёт тебя, — сказал мужик.

— Возможно, — сказал Элиан.

Он толкнул дверь. Дождь ударил в лицо. Холодный, злой, честный. Элиан вышел.

На пороге он остановился.

Не потому, что что-то почувствовал. Не потому, что услышал. Просто нога не пошла дальше. Как будто воздух стал плотнее. Как будто мир сказал: подожди.

Он посмотрел вниз.

На ступеньке лежала девушка.

Молодая. Лет двадцати. Может, меньше. Мокрая насквозь, волосы прилипли к лицу, платье — дешёвое, серое, из тех, что носят служанки в Нижних Ярусах. Она лежала на боку, поджав колени. Как будто заснула. Как будто просто устала и решила отдохнуть.

Но она не спала.

Элиан присел. Не потому, что хотел помочь — помочь было уже нельзя. Просто ремесло. Смотреть. Запоминать. Понимать.

Он убрал волосы с её лица.

И замер.

Глаз у неё не было.

Вместо глаз — нити.

Тонкие, чёрные, блестящие от дождя. Они выходили из глазниц и уходили куда-то внутрь, в череп, в мозг, в то место, где у людей живёт душа. Или то, что от неё остаётся. Нити не шевелились. Они просто были. Как будто так и надо. Как будто это нормально — иметь вместо глаз нити.

Элиан смотрел долго. Дождь стучал по его спине. Где-то в корчме мужик заказывал ещё водки. Где-то внизу, в Нижних Ярусах, кто-то умирал. Мир шёл своим чередом.

Элиан протянул руку.

Не к лицу. К руке.

Девушка сжимала что-то в кулаке. Крепко. Так, как сжимают не деньги, не украшение. Так сжимают то, за что умер.

Элиан разжал её пальцы.

На ладони лежала монета.
Старая. Потемневшая. С гербом.
Элиан знал этот герб.

Его не существовало двадцать лет.

Он держал монету в руке, и дождь смывал с неё грязь, и постепенно проступало изображение: игла, пронзающая книгу. Простое. Понятное. Символ тех, кто плел истории. Символ тех, кого больше нет.

Гильдия.

Элиан сжал монету в кулаке. Крепко. Так, как сжимают то, за что умерли.

— Ну что ж, — сказал он тихо. Не ей. Себе. — Значит, всё-таки началось.

Он встал. Посмотрел на девушку. Она лежала в луже, и дождь смывал её лицо, и нити в глазницах блестели, как слёзы.

Элиан не был добрым человеком. Он не собирался её хоронить. Он не собирался мстить. Он вообще ничего не собирался. Он просто хотел допить пиво и уйти в дождь.

Но монета жгла ладонь.

И где-то в глубине, там, где он давно похоронил всё, что могло болеть, что-то шевельнулось.

Элиан повернулся и пошёл в дождь.

Он не оглянулся.

Но за его спиной, в луже, девушка открыла глаза.

Нити в её глазницах натянулись.

И одна из них — тонкая, чёрная, живая — потянулась следом.

Конец первой главы.

ГЛАВА 2. ЗАКАЗ

Лес за Гнилыми Бродами начинался сразу за городской стеной — но не той, что из камня, а той, что из страха. Дальше не ходили. Дальше — не возвращались. Элиан шёл уже два часа, и лес не кончался.

Он не боялся.

Это было не мужество. Мужество — когда есть что терять. Элиан потерял всё давно, и лес это чувствовал. Деревья расступались перед ним, как слуги перед хозяином, которого не любят, но уважают. Ветви не хлестали по лицу. Корни не хватали за ноги. Даже дождь здесь был тише — как будто боялся помешать.

Элиан шёл и смотрел.

Лес был болен. Он видел это так же ясно, как видел бы гниющую рану на теле. Кора на деревьях шла трещинами, из которых сочилась тёмная смола — густая, чёрная, похожая на кровь. Листья были не зелёные, а серые, как пепел. Птицы молчали. Их не было. Вообще не было. Ни одной. Элиан не слышал ни единого звука, кроме собственных шагов и дождя.

А потом он услышал плач.

Тонкий. Детский. Он шёл откуда-то слева, из глубины, где деревья стояли так плотно, что не было видно неба. Элиан остановился. Прислушался.

Плач не приближался. Не удалялся. Он просто был. Как будто лес плакал сам. Как будто сама земля — эта земля — не могла больше молчать.

Элиан достал иглу.

Не потому, что собирался драться. Игла — не оружие. Игла — инструмент. Но иногда инструмент — единственное, что у тебя есть.

Он пошёл на плач.

Через сотню шагов деревья расступились. Перед ним открылась поляна — идеально круглая, как будто кто-то вырезал её ножом из тела леса. В центре стоял пенёк. Огромный, старый, с чёрными корнями, уходящими в землю. На пне сидела женщина.

Она была красива.

Не той красотой, что продают в борделях Верхних Ярусов. Не той, что рисуют на иконах. Это была красота дикая, страшная, как гроза. Волосы — белые, длинные, до земли. Кожа — бледная, почти прозрачная. Платье — из чего-то серого, бесформенного, как паутина. Она сидела, склонив голову, и плакала. Тихо. Беззвучно. Слёзы катились по щекам и падали на пенёк, и там, где они падали, вырастали цветы. Маленькие. Белые. Мёртвые.

Вокруг неё сидели куклы.

Мужик в корчме не соврал. Куклы были везде. На поляне, на корнях, на ветвях. Из веток, из тряпок, из костей. Маленькие. Сморщенные. С руками, ногами, головами. С глазами. С ртами. С лицами.

Элиан посмотрел внимательнее.

Лица были человеческие.

Женщина подняла голову.

Глаза у неё были чёрные. Не как у девушки на пороге — не нити. Просто чёрные. Как два колодца. Как две дыры в мир. Она посмотрела на Элиана, и он почувствовал, как что-то внутри сжалось. Не страх. Хуже. Узнавание.

— Ты пришёл, — сказала она.

Голос был мягкий. Женский. Знакомый.

Элиан не ответил. Он стоял и смотрел.

— Я знала, что ты придёшь, — продолжала она. — Они все приходят. Рано или поздно. Ты — позже, чем я думала. Но лучше поздно, чем никогда.

Она улыбнулась. Улыбка была хорошая. Тёплая. Как у матери. Как у жены.
Элиан сжал иглу.

— Ты — ткачиха, — сказал он.

— Я — то, что от неё осталось, — ответила она. — А ты — то, что осталось от тебя. Мы похожи. Оба — обрывки. Оба — незаконченные истории.

Она встала. Плавно. Как вода. Как дым.

— Я не хочу тебя убивать, — сказала она. — Я хочу тебя сплести. Заново. Из ничего. Из боли. Из пустоты. Ты будешь счастлив. Я обещаю.

Элиан сделал шаг вперёд.

— Ты не можешь дать мне счастье, — сказал он. — Ты — не она.

Женщина замерла.

А потом заговорила другим голосом.

— Элиан.

Он узнал его.

Он узнал бы его где угодно. В любом мире. В любой жизни. Этот голос говорил ему «доброе утро». Этот голос смеялся над его шутками. Этот голос шептал его имя ночью. Этот голос умер двадцать лет назад.

Лиана.

— Элиан, — повторила ткачиха её голосом. — Не надо. Опустить иглу. Ты же знаешь, что я не хочу тебе зла. Я никогда не хотела тебе зла.

Элиан смотрел на неё. На женщину с белыми волосами и чёрными глазами. На куклы вокруг. На мёртвые цветы.

— Ты не Лиана, — сказал он. Голос не дрогнул. — Лиана мертва. Я убил её.

— Ты не убивал, — сказала ткачиха. — Ты забыл.

Элиан ударил.

Игла вошла ей в грудь, прямо под левую ключицу, туда, где у людей сердце. Если оно у них есть. Ткачиха не закричала. Она посмотрела на него. Удивлённо. Как будто не ожидала. Как будто он сделал что-то неприличное. Нарушил правило.

— Ты... — начала она.

— Я знаю, — сказал Элиан. — Я всегда знаю.

Он вытащил иглу. Из раны не потекла кровь. Потекли нити. Чёрные, тонкие, бесконечные. Они выползали из её тела, как змеи, и падали на землю, и там, где падали, земля чернела.

Ткачиха оседала. Медленно. Как тряпичная кукла, из которой вытащили набивку.

— Ты... ещё... вернёшься, — прошептала она. — Ты... всегда... возвращаешься.

Она упала.

Куклы вокруг замерли. А потом начали падать. Одна за другой. Беззвучно. Как срубленные деревья. Их лица — человеческие лица — смотрели в небо, и в глазах у них не было ничего. Ни страха. Ни боли. Ничего.

Элиан стоял. Смотрел. Игла в его руке была чёрной. Он вытер её о плащ. Убрал в рукав.

— Одна, — сказал он тихо. — Минус одна.

Он повернулся, чтобы уйти.

И увидел девушку.

Она стояла на краю поляны. Молодая. Лет двадцати. Волосы мокрые, платье серое, лицо злое. В руке — нож. Обычный, кухонный, но заточенный до бритвенной остроты.

— Ты, — сказала она. — Это ты её убил.

Элиан посмотрел на неё. На нож. На злость в глазах.

— А ты кто? — спросил он.

Она шагнула вперёд.

— Я — та, кто тебя искала.

Конец второй главы.

ГЛАВА 3. МИРА

Она не стала его убивать.

Элиан был готов. Он всегда готов. Игла в рукаве, плащ на плечах, память — в кулаке. Если она бросится — он встретит. Но она не бросилась. Она стояла. Держала нож. Смотрела на него так, как смотрят на человека, которого ненавидят и боятся одновременно.

— Ты её знал? — спросил Элиан.

— Нет, — сказала она. — Но я знаю, кем она была. До того, как стать этим.

Она кивнула на тело. Ткачиха лежала на пне. Волосы её потускнели, стали серыми. Черты лица стёрлись. Она больше не была красивой. Она была просто мёртвой. Как всё в этом лесу.

— И кем она была? — спросил Элиан.

— Женщиной, — сказала девушка. — Обычной. У неё был сын. Мальчик. Лет пяти. Он умер. От лихорадки. Зимой. Она не смогла смириться. И тогда...

Она замолчала.

— Тогда что? — спросил Элиан.

— Тогда она пошла в Нижние Ярусы, — сказала девушка. — К тем, кто умеет плести. Она хотела вернуть сына. Они сказали, что могут. Они соврали.

Элиан посмотрел на куклы. Маленькие. Сморщенные. С человеческими лицами.

— Это не её сын, — сказала девушка, как будто прочитала его мысли. — Это все те, кого она пыталась вернуть. Она не могла остановиться. Она думала, что если сплетёт достаточно — найдёт правильную нить. Найдёт его.

— И не нашла.

— Нет.

Она опустила нож. Не убрала — опустила. Как будто устала держать.

— Её звали Нара, — сказала она. — Она была хорошей. До того, как сломалась.

Элиан ничего не сказал. Он думал о том, что все сломанные когда-то были хорошими. А потом перестали. А потом стали тем, что он убивает за деньги.

— Ты — Элиан, — сказала девушка. — Ткач. Последний.

— Уже нет, — сказал он. — Дар ушёл. Осталось ремесло.

— Ты убил её иглой. Без дара ты бы не смог.

Элиан посмотрел на неё. Внимательнее. Она знала слишком много. Слишком правильно говорила. Слишком уверенно стояла. Как человек, который давно шёл по этому лесу и не заблудился.

— Кто ты? — спросил он.

— Мира.

— Это имя или титул?

— Имя.

— Что тебе нужно?

Она подняла нож. Элиан напрягся. Но она не бросила его. Она повернула рукоятку вперёд.

На рукояти была татуировка.

Маленькая. Чёрная. Игла, пронзающая книгу.

Герб Гильдии.

Элиан смотрел на него долго. Дождь капал с листьев. Где-то в глубине леса что-то ухнуло — первый звук за всё время, кроме плача. Лес оживал. Медленно. Нехотя. Как будто смерть ткачихи сняла с него проклятие.

— Этого не может быть, — сказал Элиан.

— Может, — сказала Мира. — Гильдия не погибла. Она ушла в тень. Я — одна из последних. Меня послали найти тебя.

— Кто послал?

Она улыбнулась. Криво. Без веселья.

— Ты не согласишься.

— Попробуй.

— Твой наставник.

Элиан замер.

Наставник. Слово ударило в грудь, как молот. Он не думал о нём двадцать лет. Заставлял себя не думать. Получалось. Почти.

— Он мёртв, — сказал Элиан.

— Нет, — сказала Мира. — Он жив. И он ждёт.

— Где?

— Внизу. В Нижних Ярусах. Там, где всё началось.

Элиан посмотрел на неё. На нож. На татуировку. На злость в глазах, которая никуда не ушла — просто спряталась.

— Ты врешь, — сказал он.

— Нет, — сказала она. — Но я не всё говорю.

— Тогда говори всё.

Она покачала головой.

— Не здесь. Не сейчас. Сначала — выживем. Потом — поговорим.

Она убрала нож. Повернулась. Пошла к деревьям. Через десять шагов остановилась. Обернулась.

— Ты идёшь?

Элиан стоял.

Он мог уйти. Мог вернуться в город. Мог допить пиво. Мог забыть. Это было просто. Он умел забывать. Двадцать лет практики.

Но монета в кармане жгла. И слово «наставник» жгло. И девушка на пороге — с нитями вместо глаз — жгла. Всё жгло. Всё требовало. Всё звало.

Элиан вздохнул.

— Иду, — сказал он.

И пошёл.

Конец третьей главы.

ГЛАВА 4. СЛЕД

Они шли молча.

Лес менялся. Медленно, но верно. Кора на деревьях светлела. Листья наливались цветом — не зелёным, но хотя бы серо-зелёным. Где-то вдалеке крикнула птица. Первая. Робкая. Как будто проверяла: можно? Не убьют?

Элиан смотрел на спину Миры. Она шла быстро, уверенно. Не оглядывалась. Не проверяла, идёт ли он. Знала, что идёт. Это раздражало. И уважалось.

— Ты давно в Гильдии? — спросил он.

— Всю жизнь, — сказала она, не оборачиваясь. — Я родилась там.

— Гильдии нет двадцать лет.

— Гильдии нет на бумаге. В тени — есть.

— Сколько вас?

— Мало. И с каждым днём меньше.

Она остановилась. Обернулась. Посмотрела на него. Внимательно. Как будто решала — говорить или нет.

— Ткачиха — не первая, — сказала она. — За последний год их было семь. В разных местах. В разных городах. Все — женщины. Все — потерявшие детей. Все — обратившиеся в Нижние Ярусы за помощью.

— И все — искажения, — сказал Элиан.

— Да.

— Кто-то их создаёт.

— Да.

— Кто?

Мира отвернулась. Пошла дальше.

— Тот, кто хочет разорвать мир, — сказала она. — Тот, кто рвёт истории. Тот, кто превращает горе в монстров.

— И кто это?

Она не ответила.

Элиан догнал её. Взял за плечо. Она остановилась. Посмотрела на его руку. Потом — на него.

— Кто это? — повторил он.

— Я не знаю, — сказала она. — Правда не знаю. Но знаю, где искать.

Она достала из-за пазухи что-то. Маленькое. Сложенное вчетверо. Мокрое. Она развернула это — и Элиан увидел карту.

Не бумажную. Не нарисованную. Тканую.

Нити — тонкие, чёрные, красные, золотые — сплетались в изображение города. Аркадия. Все ярусы. Сверху донизу. И в самом низу — маленькая точка. Отмеченная красной нитью.

— Это Первоисточник? — спросил Элиан.

— Нет, — сказала Мира. — Это вход. Тропа. Она ведёт туда, где всё началось. Где Гильдия спрятала своё самое тёмное. И где твой наставник ждёт.

— Почему он не придёт сам?

— Потому что не может. Он... — она запнулась. — Он не совсем там.

— Он мёртв?

— Нет. Хуже.

Она сложила карту. Убрала.

— Нам нужно в Нижние Ярусы. Через Гнилые Броды. Через старые туннели. Через места, где никто не ходит.

— Я знаю дорогу, — сказал Элиан.

— Знаю. Поэтому я тебя и искала.

Она пошла дальше.

Элиан смотрел на её спину. На татуировку на рукояти ножа. На то, как уверенно она шла по лесу, который убил бы любого другого.

Он думал.

Думал о том, что она не сказала. О том, что она сказала слишком много. О том, что где-то в её словах была ложь, но он не мог найти, где именно.

Он догнал её.

— Мира, — сказал он.

— Что?

— Если ты врёшь — я узнаю.

Она обернулась. Улыбнулась. Криво. Как в первый раз.

— Я знаю, — сказала она. — Ты всегда узнаёшь. Ты же Ткач.

— Я не Ткач.

— Пока нет.

Она пошла дальше.

Элиан замер. Стоял. Смотрел, как она уходит. Дождь капал с ветвей. Птица крикнула снова — громче. Смелее.

«Пока нет».

Он не знал, что это значит.

Но хотел узнать.

И это было хуже всего. Потому что хотеть — значит быть живым. А он двадцать лет старался не быть.

Он пошёл за ней.

Конец четвёртой главы.

ГЛАВА 5. КОРЧМАРЬ-ФИЛОСОФ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.